

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

СМЕРТЕЛЬНОЕ
ТАНГО

Москва

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки *Е. Петровой*
Литературный редактор *А. Самофалова*

Корсакова, Татьяна.

К69 Смертельное танго / Татьяна Корсакова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-182017-6

Данила был самым красивым парнем, которого Селена когда-либо видела. Сама она на фоне подруг долгое время казалась бледной молью: слишком хрупкая и худая, слишком блеклые, будто выцветшие, волосы — на такую два раза не взглянешь. К тому же девушка страдала лунатизмом. Разве может из нее и Данилы получиться пара?! Селена и не надеялась. Просто следила за ним издали, но вместе с тем никогда не выпускала из виду. И как раз в тот момент, когда девушке показалось, что у нее появилась надежда на счастье, ее жизнь оказалась под угрозой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182017-6

© Корсакова Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Можно ли быть круглой сиротой и чувствовать себя при этом вполне комфортно? Если бы об этом спросили Данилу, он бы, скорее всего, ответил удовлетворительно. Может, оттого, что родителей своих он никогда не видел, может, ему просто повезло с детским домом, а может, он и в самом деле был счастливчиком.

Данила рос очень красивым ребенком. Его красота была нестандартной, даже немного дикой. Воспитательница Лариса Семеновна говорила, что это от особого смещения крови, а сам Данила искренне недоумевал, из-за какого смещения могло получиться такое безобразие. Кожа смуглая, глаза раскосые, по-кошачьи зеленые, скулы высокие, волосы черные и жесткие, как проволока.

Волосы не нравились Даниле особенно. Он всегда просил, чтобы их стригли как можно короче, потому что возиться с ними — сплошная морока. А парикмахерша возмущалась, говорила, что грех портить такую красоту, и всякий раз оставляла волосы намного длиннее, чем ему хотелось. И приходилось-таки с ними возиться, расчесывать

каждый день, точно он не пацан, а какая-нибудь девчонка.

А девчонки, к слову сказать, Даниле завидовали. Ни у одной девочки в детдоме не было таких длинных ресниц, как у него. Ерунда какая! Что хорошего в длинных ресницах?! А ну как одна такая ресница в глаз попадет? Это же больно! Данила их однажды постриг, чтобы не мешали, а они выросли еще длиннее. Не станешь же теперь постоянно стричь! Да ну их...

В общем, красавчик он был еще тот, сам на себя лишний раз в зеркало смотреть не хотел. Что же это за красота такая девчачья?! Вон у Васьки Прохорова голова квадратная, волосы белые, нос картошкой и половина переднего зуба отбита — вот где настоящая мужская красота! Вот кому нужно завидовать!

Данила и завидовал, особенно белым волосам и щербине между зубами. Это ж как здорово через такую плевать! Он даже пытался сотворить себе что-нибудь похожее, но по всему выходило, что очень уж это больно. Воспитательница Лариса Семеновна любила повторять, что красота требует жертв, а Данила оказался к жертвам совершенно не готов. И не важно, что говорилось это не ему, а вечно хнычущим девчонкам в процессе заплетания косичек и завязывания бантов. Вот не готов он к жертвам, и все тут...

Зато у него всегда были самые красивые болячки на коленках. Лариса Семеновна, непререкаемый для шестилетнего Данилы авторитет, однаж-

ды сказала, что шрамы украшают мужчину. Он не был до конца уверен, что ссадины на коленях — это и есть шрамы, но выглядели они круто. Даже Прохор со своей щербиной ему завидовал. И было чему! Прохор-то своего зуба лишился по счастливой случайности. Просто Селенка Савицкая, та еще растяпа, распахнула дверь, когда за ней стоял Прохор, — вот тебе и щербина. И нет в этом никакой Прохоровой заслуги, просто повезло человеку. А Данила себя украшал целенаправленно. Голыми коленками по гравийной дорожке проехаться — не у каждого силы воли хватит, а у него хватало, потому что он настоящий мужик, пусть даже и с длинными ресницами. Ресницы, кстати, еще можно попробовать поджечь, может, они тогда медленнее отрастать будут...

Но настоящие проблемы начались лет в тринадцать-четырнадцать, когда в организме забурлили и зафонтирировали гормоны. Сначала появились прыщи... Участь эта не минула почти никого. Особенно страдал Прохор, которого обсыпало так, что страшно смотреть. Даже легендарная щербина не спасала положения. Даниле с кожей, можно сказать, повезло, а вот с голосом дела обстояли хуже: говорить получалось то басом, то фальцетом. Когда басом — это еще ничего, даже солидно, а вот фальцетом...

Странно, но девчонок метаморфозы, происходящие с его голосом, не смущали. Их смущало его лицо. Что-то они такое находили в его лице. Данила уже привык к их взглядам: откровенным, любо-

пытным, смущенным. Даже научился пользоваться теми преимуществами, которые давала ему внешность. Он вообще очень рано научился извлекать пользу из маленьких женских слабостей. Нельзя сказать, что Данила злоупотреблял особенным к себе отношением, но пользовался, чего уж там...

Даже переход во взрослую жизнь не застал Данилу врасплох. Он знал, что в большом мире полно женщин, которые не дадут ему пропасть. Он поступил в строительный техникум и из детдома переселился в студенческую общагу. Вообще-то, должен был переехать в коммуналку, но что-то там не срослось. Сказать по правде, Данила не особо переживал, потому что не видел большой разницы между коммуналкой и общагой. В общаге, наверное, даже лучше, привычнее.

Его новая жизнь практически ничем не отличалась от жизни в детдоме. За исключением одной, но весьма существенной детали. Теперь Даниле приходилось самому заботиться о хлебе насущном. Нет, голодным он никогда не был — в общаге умереть с голоду не дадут, — но, помимо всего прочего, нужно было еще во что-то одеваться, требовались деньги на всякие мелочи вроде зубной пасты, пены для бритья и сигарет... А где их взять бедному студенту?..

* * *

День выдался ненастным, под стать настроению. Данила сидел на скамейке в сквере и наблюдал, как ветер гоняет по аллейке опавшие кленовые листья. Было холодно и сыро. Парень поднял

воротник куртки, засунул озябшие руки поглубже в карманы куртки. В животе заурчало, громко и заунывно, едва ли не громче, чем воющий в ветвях старых кленов ветер.

Именно сегодня Данила твердо решил начать наконец жить своими силами. Он еще не знал, как реализовать эту свою решимость, но уже с неотвратимой ясностью понимал, что в жизни нужно что-то менять. Не приспособливаться, а именно менять. Возможно, даже ломать, потому что по-другому уже никак, по-другому можно запросто стать альфонсом, с легкостью перекладывающим бремя собственных проблем на хрупкие женские плечи.

Их и сейчас было много — девушек, искренне желающих ему помочь, поддержать в трудную минуту, но Данила решил ни за что на свете не становиться на эту скользкую дорожку, понял вдруг с неотвратимой ясностью, что он мужик и должен справляться с невзгодами исключительно своими силами.

И вот они, плоды его решимости: уши и руки мерзнут, желудок воет от голода, а сам он, вместо того чтобы завалиться к какой-нибудь сердобольной девчонке и наесться от пуза в тепле и уюте, сидит на пронизывающем ветру и ждет с моря погоды. Данила почти с ненавистью посмотрел на газету, прижатую куском кирпича к скамейке. Во всем виновато это чертово объявление.

«Приглашаем к сотрудничеству молодых людей, не старше двадцати пяти лет, артистичных, с хорошими внешними данными. Достойную оплату гарантируем...»

Вот на эту «достойную оплату» Данила и польстился. Хорошие внешние данные у него имелись, спасибо особому смещению крови. А что касается артистизма, так в детдомовской хореографической студии он всегда был на первых ролях.

Данила собирался с духом почти неделю, а потом все-таки позвонил по указанному в объявлении телефону. Приятный женский голос тут же предложил встретиться, и вот он, как последний дурак, уже сорок минут мерзнет в этом продуваемом всеми ветрами сквере. Даже газетенку рядом с собой положил для надежности, чтобы обладательница приятного голоса, не дай бог, его с кем-нибудь не спутала. Хотя с кем его можно спутать?! В сквере ни единой живой души, все нормальные люди сидят в тепле. Эх, были бы деньги, назначил бы встречу в каком-нибудь уютном кафе. Вести деловые переговоры за чашечкой кофе — оно как-то солиднее и респектабельнее, только вот денег нет... Скорее бы она пришла, эта чертова баба!

— Это ты Данила? — Голос доносился из-за спины, тот самый, приятный женский голос.

Не вынимая озябших рук из карманов, Данила обернулся и едва не присвистнул от неожиданности. Обладательница приятного голоса была не совсем женщиной. Вернее, совсем даже не женщиной...

Добела осветленные волосы до плеч, серьга в ухе, подведенные глаза и губки «бантиком» кокетливо намекали на то, что принадлежат они даме, но брутального кроя кожаный плащ, кадык и щетина были куда убедительнее. От недоброго пред-

чувствия желудок занял еще сильнее. Что это за чудо пожаловало?!

— Ну, я Данила, — сказал он не слишком приветливо. — А ты что такое?

— Я не «что такое», пупсик. — Чудо заправило за ухо осветленную прядь. — Я «кто такой». Позволь представиться, Эдуард Феоктистов — арт-директор клуба «Основной инстинкт». Если мы с тобой подружимся, а у тебя есть для этого все шансы, сможешь называть меня просто Эд.

— Шел бы ты отсюда, Эд, — буркнул Данила и украдкой осмотрелся в поисках свидетелей его нечаянного позора.

— Как это — шел бы отсюда?! — усмехнулся собеседник и, грациозно перемахнув через спинку скамейки, уселся рядом. Даже слишком рядом...

Данила поморщился и с многозначительной гримасой отодвинулся на максимально возможное расстояние.

Эд понимающе усмехнулся, подобрал со скамейки мертвый кленовый лист, посмотрел на Данилу со смесью интереса и жалости.

— Может, все-таки поговорим о деле, пупсик, а уже потом я пойду?

— Еще раз назовешь меня пупсиком, и я тебе что-нибудь сломаю, — пообещал Данила, разглядывая ободранные носки своих ботинок.

— Ой, какие мы грозные! Я уже трепещу! — На размалеванной роже насмешливо блеснули поцыгански черные глаза. — Ты меня, пупсик, не пу-

гай. Я, видишь ли, пуганый. Ну, будем разговоры разговаривать?

И было в его враз лишившемся мягких женских ноток голосе что-то такое, что заставило Данилу остаться.

— Ну? — с вызовом спросил он.

— Курточка-то дерматиновая. — Двумя пальцами Эд брезгливо взялся за рукав Даниловой куртки.

— Ты пришел мою одежду обсудить?

— И одежду в том числе. Обрати внимание на мой плащ — мэйд ин «не наше». Стоит две тыщи баксов. Хочешь себе такой же?

— Не хочу! — Данила уже собирался встать, когда на плечо легла неожиданно тяжелая ладонь.

— Не кипятись, парень. — У Эда были твердые как камень пальцы, а во всем его облике не осталось и следа от былой мягкости. Даже губки «бантиком» вытянулись вдруг в жесткую, совсем не кокетливую линию.

— Убери руку, — процедил Данила.

— Уберу, не волнуйся. — Эд хищно улыбнулся, блеснув идеально ровными, какими-то неестественно белыми зубами. — Я хочу предложить тебе работу, очень хорошо оплачиваемую работу. У тебя прекрасные внешние данные, ты будешь иметь успех.

— Что за работа? — Данила уже десять раз пожалел, что ввязался в этот разговор, но раз уж ввязался...

— О! — Эд закатил глаза. — Работа просто супер! Когда-то я тоже так начинал...

— Все, я пошел...

— «Основной инстинкт» — это элитный ночной клуб. — А руку этот козел так и не убрал, наоборот, сжал Данилово плечо еще сильнее, почти до боли. — Скажем так, клуб с несколько специфическим уклоном...

— Я уже понял. — Данила решительно стряхнул с плеча цепкие пальцы.

— Понял, да не так. «Основной инстинкт» — это не гей-клуб. — Эд снова усмехнулся. — Это клуб для дам, очень состоятельных дам, которые после утомительных трудовых будней желают расслабиться...

— Пошел к черту!

— Стоп! Ты снова все неправильно понял. Научись слушать, Дан.

— А что тут слушать? — Ветер сделался совсем уж колючим и неприветливым, Данила поежился, встал со скамейки. Все, пора в общагу, пока никто не заметил, с кем он тут...

— Слышал про мужской стриптиз? — неожиданно спросил Эд.

— Это когда мужики раздеваются догола?

— Ну, раздеваться догола совсем не обязательно, я бы даже сказал — нежелательно. Твоя задача — бабу завести, а уж как ты это будешь...

— Это не моя задача! — К щекам прилила кровь, обдала жаром не то стыда, не то злости.

— Хорошо, — кивнул Эд, — скажем так, это не твоя задача, а задача стриптизера. И заметь, спать с клиентками вовсе не обязательно. То есть если хочешь, пожалуйста. Кто ж тебе запретит?

— Мне эта работа не подходит. — Данила уже все для себя решил, разговор его больше не интересовал. Надеялся на нормальную мужскую работу, а тут такое...

— А ты не пори горячку. — Эд мотнул головой, смахивая с высокого лба пергидрольную прядь. — Зарплата от пяти сотен зеленых. И это, прошу заметить, нижняя планка. Верхняя ограничена только твоими принципами, ну и фантазией. — Он тоже встал, сунул в карман Даниловой куртки яркий картонный прямоугольник. — Подумай, Дан, пятьсот баксов... нижняя планка.

— Не о чем тут думать! — Данила едва удержался от того, чтобы порвать визитку в клочья. — Мне не нужна такая работа!

Он шел по продуваемой всеми ветрами аллейке и злился сам на себя. Вот дурак! Захотелось самостоятельной жизни! Пожалуйста, работай проститутком! Данила в сердцах подфутболил пустую пивную банку. Та подпрыгнула, с противным дребезжанием покатила по дорожке. Конечно, пятьсот баксов — очень хорошие деньги, но он не настолько голоден, чтобы согласиться прислуживать всяким озабоченным старухам. В конце концов, есть другие способы заработать...

* * *

Прошло три месяца. Данила успел поработать продавцом в «Макдоналдсе», разносчиком пиццы, ночным сторожем в детском саду и пришел к неутешительному для себя выводу: вся эта канитель

так же далека от настоящей мужской работы, как и стриптиз. Без квалификации и образования, да еще учась на очном отделении, рассчитывать на что-то стоящее и хорошо оплачиваемое не приходилось. Он уставал не так чтобы очень сильно, но и зарабатывал не так чтобы очень много. Вернее, очень немного. Зарплаты едва-едва хватало на прокорм, а в ботинках отваливаются подошвы, и единственная пара джинсов на ладан дышит, и свитер протерся на локтях, и перчаток Данила так и не купил. А на дворе зима, и морозы совсем нешуточные. Хорошо хоть волосы густые, можно на шапке сэкономить. А вот в дерматиновой куртке, которая на холоде становится колом, ходить просто невозможно. Ну как жить?..

Данила все чаще брал в руки визитку, оставленную Эдом. Яркий кусочек картона — пропуск в другую жизнь. В жизнь, где пятьсот баксов и не деньги вовсе, а так, нижняя планка, где можно позволить себе кожаный плащ за две тысячи долларов. Ну что такого ужасного в том, чтобы раздеться перед парочкой баб?! Ведь не догола же! Да, унижительно, а ходить в рваных носках и протертых до дыр джинсах не унижительно?! А не иметь возможности сводить понравившуюся девушку в кафе или кино не унижительно?! А отираться на общаговской кухне в обеденное время в надежде, что кто-нибудь сердобольный угостит тебя жареной картошкой или домашним салом?..

...Эд его помнил, даже странно.

— Ты Дан, да? Ну что, созрел?

— Созрел.

— Это хорошо, что созрел. Ну, приезжай.

— Куда? Когда?

В трубке помолчали.

— Давай встретимся в том самом сквере, в тот самый час. Это будет даже романтично.

Плывать было Даниле на романтику. Ему вообще на все было плевать, так его достала жизнь.

— Договорились, — сказал он.

— Мы с тобой, пупсик, еще ни о чем не договорились. — В трубке послышались короткие гудки, а сердце сжалось от недобрых предчувствий.

Данила добрался до места вовремя, не опоздал ни на секундочку, но Эд его уже ждал, стоял возле той самой скамейки, у которой они встречались в прошлый раз. Вместо брутального плаща за две тысячи баксов на нем была длинная шуба из неведомого зверя, на голове — лохматая шапка, на ногах — унты. Посмешище, а не мужик...

— Привет, пупсик! — Он весело махнул рукой.

— Я не пупсик, — огрызнулся Данила.

— А, ну да! Ты же мне за «пупсика» собирался что-нибудь сломать.

— И сломаю, если не прекратишь.

— Ладно, Дан, не стану я тебя больше пупсиком называть, раз уж тебе это так неприятно. Поехали!

— Куда?

— Знакомиться с новым местом работы.

Эд ездил на «Фольксвагене» ядовитого канаречного цвета. Легкомысленная какая-то машинка,

честное слово. Но стоило только громко и совсем не легкомысленно взречь мощному мотору, Данила понял, что машинка очень даже ничего. Зверь, а не машинка. Это только с виду она как игрушечная. У этого Эда вообще все обманчиво. Сам выглядит как кисейная барышня, а хватка железная. И машинка с виду ерунда, а на самом деле зверь...

В салоне было тепло и уютно. Данила не заметил, как задремал.

— ...Хватит дрыхнуть! Приехали! — послышалось над ухом.

Парень вздрогнул, открыл глаза. «Фольксваген» стоял перед двухэтажным зданием, сияющим огнями, как новогодняя елка.

— Вот это и есть клуб «Основной инстинкт», твоё новое место работы, — с гордостью сказал Эд. — Нравится?

Данила пожал плечами.

— Что? Не нравится?!

— Поживем — увидим.

— А ты, как я погляжу, парень осторожный, осмотрительный. — Эд хитро зыркнул цыганским глазом. — Ладно, выметайся из машины, осмотрительный!

Данила с сожалением выбрался из «Фольксвагена», вслед за Эдом поднялся по невысокой гранитной лестнице, в нерешительности остановился перед сияющей хромом и стеклом дверью.

— Что стал?! — Эд больно ткнул его локтем в бок. — Нечего тут пугалом торчать, клиенток отпугивать.

— Это чем я их отпугиваю? — обиделся Данила.

— Да прикидом своим убогим! Чем же еще? Над твоим гардеробчиком еще предстоит очень серьезно поработать. «Основной инстинкт» — солидное заведение. Нам это реноме нужно поддерживать.

— Что поддерживать?

— Ох, темнота! — Эд страдальчески закатил глаза и втокнул Данилу в уютный, залитый мягким светом холл.

Внутри было почти так же тепло, как в канаречном «Фольксвагене» Эда, вкусно пахло кофе и духами. Данила шмыгнул носом и, поймав на себе насмешливый взгляд охранника, нахмурился.

— Пойдем, не стой столбом! — Эд уже тащил его сначала вверх по мраморной лестнице, а потом по узкому гулкому коридору мимо закрытых дверей.

Они остановились у предпоследней двери. «Арт-директор» — прочел Данила на золоченой табличке. Пару секунд Эд повозился с замком, а потом отвесил шутовской поклон и сказал:

— Прошу!

Будуар... Не кабинет, а самый настоящий будуар. Округлые линии, карамельные цвета, зеркальный столик перед заваленными подушками диванчиком, фривольные фотографии на стенах. Данила даже покраснел от такого обилия обнаженной натуры, большей частью мужской.

— Присаживайся! — Эд кивнул на диван, сам подошел к рабочему столу, заваленному всякой

ерундой. Песочные часы, статуэтка ангела, хрустальная пепельница, какая-то странная железная конструкция с мельтешащими внутри шариками. Полезным и нужным здесь был лишь один предмет — компьютер.

— Нравится? — Эд проследил за взглядом гостя.

Данила молча кивнул.

— Мне тоже нравится. Очень полезная в хозяйстве штука. Вся документация теперь в нем. Опять же, игр много разных забито. Можно расслабиться в свободное от работы время. — Эд сунул шубу в шкаф, шапку небрежно швырнул на диванчик, с нежностью погладил выключенный монитор, задумчиво посмотрел на Данилу, а потом вдруг велел: — Скидывай-ка свое барахло.

— Не понял? — Данила, заподозрив недоброе, попятился.

— Раздевайся, говорю. — Эд плюхнулся в кресло, закурил тонкую папиросу. По будуару поплыл терпкий дымок.

— Зачем это?

— Экстерьер твой буду оценивать.

— А без экстерьера никак? Ты знаешь что... ты не думай, я не по этой части... — Получилось глупо и как-то совсем уж по-детски.

— Ох, грехи мои тяжкие! — вздохнул Эд. — Сплошные гомофобы кругом! Не стану я покушаться на твою честь, пупсик. Больно надо! Мне другое требуется, я должен рельеф оценить и вообще... может, ты блохастый какой.

— Сам ты блохастый! — обиделся Данила.

— Вот что мне в тебе нравится, так это твоя наглость, — усмехнулся Эд. — Ты чего грубишь своему будущему работодателю? А ну как я обижусь? Раздеться-то будешь?

Данила еще колебался, а будущий работодатель уже командовал:

— Порты скидывай!

Скрепя сердце и настороженно косясь в сторону Эда, Данила сбросил куртку, расстегнул ремень, стянул свитер. С джинсами расстаться было нелегко, но парень справился.

— Так-так, — разглядывая его с ног до головы, задумчиво сказал Эд. — Ну-ка, задом повернись. Что опять? Не хочешь? Да не бойся ты! Видишь, я со своего места даже не встаю. Так-так! Плечи расправь. Какого хрена сутулишься? А позу посексуальнее принять можешь?

— Задолбал, — буркнул Данила и принял позу посексуальнее.

— Отпад! — Эд вяло поаплодировал его потугам. — А под музыку?

— Что — под музыку?

— Под музыку так можешь?

— Понятия не имею.

— А мы сейчас посмотрим. — В кипе валяющегося на рабочем столе барахла Эд откопал пульт дистанционного управления, крутнулся вместе с офисным креслом, и из спрятанных под потолком колонок на Данилу обрушилась громкая музыка. — Ну, давай, подвигайся!